

и необыкновенной красоты, приводившей в изумление, были разрублены на куски и разделены между воинами, вместе с другими великолепными вещами. Когда им было нужно вывезти из храма священные сосуды, предметы необыкновенного искусства и чрезвычайной редкости, серебро и золото, которым были обложены кафедры, амвоны и врага, они ввели в притворы храмов мулов и лошадей с седлами; животные, пугаясь блестящего пола, не хотели войти, но они били их и таким образом оскверняли их калом и кровью священный пол храма.

4. Какая-то женщина, преисполненная греха, рабыня фурий, прислужница дьявола, исчадие ядоносных чар, ругаясь над Христом и восседая на патриаршем троне, пела неприличные песни и, ломаясь, скакала вокруг. После этого нельзя и говорить, что чего-нибудь не делалось или что-нибудь было хуже другого: величайшие преступления были совершены всеми и с одинаковой ревностью. Разве могли пощадить жеп, дочерей и дев, посвященных Богу, те, которые не падали самого Бога? Было весьма трудно смячить мольбами и умиловити варваров, раздраженных и исполненных желчи до того, что ничто не могло противостоять их ярости; если кто и делал такую попытку, то его считали безумным и смеялись над ним. Кто сколько-нибудь им противоречил или отказывал в требованиях, тому угрожал нож; и не было никого, кто не испытал в этот день плача. На перекрестках, в переулках, храмах – повсюду жалобы, плач, рыдания, стоны, крики мужчин, вой жещниц, грабежи, прелюбодейство, плен, разлука друзей. Благородные покрылись бесчестьем, старцы плакали, богатые бродили ограбленными. Все это повторялось на площадях, в закоулках, храмах, подвалах. Не было места, которое оставалось бы нетронутым или могло бы служить убежищем для страдальцев. Бедствия распространялись повсюду. Боже бессмертный, какая была людям печаль, какое отчаяние! Когда случалось, что морские бури, затменные солнца, кровавый лик луны, изменение в течение звезд где-нибудь и когда-нибудь могли предвещать подобное несчастье?

Подобные жалобы автора и восклицания продолжают до самого конца главы, и в заключение приводится сравнение взятия Константинополя латинами со взятием Иерусалима Саладином, причем мусульмане пристыдили своим человеколюбием западных христиан.

Последние две главы, 5 и 6-я, заключающие восьмой отдел, могут быть названы плачем, написанным в подражание Перемиаде, на которую автор ссылается нередко.

В девятом и последнем отделе, довершающем труд автора, говорится о событиях, последовавших за взятием Константинополя латинами, до 1206 г. В первой и в начале второй главы этого отдела автор объясняет, почему он не поступил так, как Солон поступил при Цисистрате, а именно: не возмущал граждан в последнее время против императоров, подобно тому мудрецу, который сделал воззвание к афинянам, чтобы они свергли тирана; при этом автор жалуется на то, что «для византийцев всякие убеждения были тщетны, ибо у них уши не имели отверстий к рассудку, и сами они не понимали сладости свободы, как не понимает тот сладости меда, который его не вкушал». Далее, автор выражает свое удивление тому, что взятие Константинополя латинами не было предзнаменовано никакими небесными явлениями, и затем останавливается на рассказе о своей собственной судьбе во время всеобщего разгрома.

2. Скажу несколько слов и о самом себе. Многие из моих друзей в тот печальный и злополучный день укрылись в моем доме, обставленном портиками, оттеняющими его, и потому труднодоступном для неприятеля. А тот прекрасный и обширный дом, который был у меня в Сфоракии, сгорел еще во время второго пожара. Главный храм, соседний с моим домом, мог бы служить лучшим убежищем, но неприятель не оставил ни одного места в покое; не было такой святыни или укрепления, которое было бы в состоянии защитить страдальцев. Куда бы кто ни убежал, его непременно выгаскивали и уводили. Видя такие ужасы, мы начали совещаться, как действовать в подобных обстоятельствах. Был у меня в то время один близкий и домашний человек, родом венецианец, который некогда пашел в моем доме безопасное и готовое убежище для себя и для своей жены со всем имуществом. Он-то и оказался нам в то время весьма полезным. Вооружившись и одевшись в платье наемника, он не допуская грабителей входить в дом, выдавая себя за их товари-